

ХРОНИКИ УТРАЧЕННОГО ПРИЛИВА

— КНИГА I —

ГОРОД БЕЗ МОРЯ

Александр Зорин

**ХРОНИКИ УТРАЧЕННОГО
ПРИЛИВА Книга
I. Город без моря**

«Автор»

2026

Зорин А.

**ХРОНИКИ УТРАЧЕННОГО ПРИЛИВА Книга I. Город без моря /
А. Зорин — «Автор», 2026**

Сто семь лет назад море исчезло. С тех пор каждую зиму город платит за своё спасение человеческой жизнью. В Меррове жертвы не оплакивают: их просто забывают. Имена исчезают из книг, лица — из памяти близких, а мир продолжает жить, будто этих людей никогда не существовало. Когда Книга прилива забирает младшего брата Таис Ренн, девушка оказывается единственной, кто помнит Нила. Чтобы вернуть его, ей придётся нарушить запреты Совета, раскрыть тайну пропавшего отца и найти маяк, который светит в мир, которого не должно существовать. Её единственный союзник — Кайр Вальд, инспектор, потерявший сестру и давно переставший верить в её возвращение. Но за исчезновением моря скрывается древний договор. И правда о нём может погубить город, который Таис пытается спасти. Что, если море не исчезло, а просто ждёт, когда ему вернут украденное? И сколько жизней придётся поставить на кон, чтобы вернуть тех, кого мир забыл?

© Зорин А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ. ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ МОРЯ	5
ГЛАВА 1. СОЛЯНОЙ АРХИВ	7
ГЛАВА 2. МАЛЬЧИК, КОТОРОГО НЕ СУЩЕСТВОВАЛО	10
ГЛАВА 3. ИНСПЕКТОР	13
ГЛАВА 4. НОЧЬ ИМЁН	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

ХРОНИКИ УТРАЧЕННОГО ПРИЛИВА Книга I. Город без моря

ПРОЛОГ. ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ МОРЯ

В тот день море отступило на семь миль.

Никто не заметил этого сразу. Рыбаки решили, что вода ушла из-за ветра, торговцы продолжали разгружать корабли, а дети, увидев обнажившееся дно, побежали собирать ракушки. Только старый смотритель маяка понял, что происходит нечто невозможное. Он прожил у берега семьдесят два года и знал море лучше, чем собственное лицо, но никогда прежде не видел, чтобы вода уходила так быстро и без единого звука.

К полудню от гавани остались только чёрные скалы, покрытые водорослями, и корабли, лежавшие на боку среди густой тины. К вечеру вода исчезла за горизонтом, оставив после себя бесконечную равнину мокрого песка. Люди поднялись на стены города, надеясь увидеть возвращающийся прилив, однако за дальними утёсами не было ни серебряной полосы, ни привычного движения волн. Там, где ещё утром плескалось море, теперь лежала пустота.

Ночью начали звонить колокола.

Сначала один, на старой башне у северных ворот. Затем второй, расположенный возле королевского дворца. Потом к ним присоединились остальные, и над городом повис такой звон, что люди закрывали уши и падали на колени. Они не понимали, кто заставляет колокола звучать, ведь звонари давно покинули башни.

Только одна девушка знала ответ.

Её звали Ильва, и она была младшей дочерью последнего хранителя приливов. В ту ночь она стояла на краю обрыва, сжимая в руках медный ключ, который отец запретил ей когда-либо использовать. За спиной остался город, где горели тысячи огней. Впереди простиралось сухое морское дно, покрытое трещинами, похожими на следы гигантских пальцев.

Из самой глубины раздался голос.

Он не был мужским или женским. Скорее, он напоминал шум воды, проходящей сквозь узкую щель в камне.

— Верни то, что вы взяли.

Ильва закрыла глаза. Она знала, о чём говорил голос, и знала, что отец не рассказал ей всей правды. Сто лет хранители приливов удерживали море возле города с помощью имён. Сначала они отдавали имена умерших, потом — преступников, затем тех, кого никто не мог защитить. Каждый раз исчезал человек, а остальные забывали, что он когда-либо существовал. Так город получал ещё один год спокойствия.

Но сегодня море потребовало больше.

— Мы выполнили договор, — прошептала Ильва.

Голос ответил не сразу.

— Вы забыли, что обещали.

Девушка посмотрела на медный ключ. На его поверхности были выгравированы семь символов, каждый из которых обозначал одно человеческое имя. Первые шесть уже исчезли. Остался последний.

Её собственный.

Ильва поняла, что отец отдал не только её детство и свободу, когда посвятил её хранителям. Он отдал её будущее, ещё до того, как она успела решить, хочет ли его иметь.

Колокола зазвонили громче.

Ильва вставила ключ в камень, выступавший из морского дна. Она слышала, как трещины под ногами наполняются водой, хотя вокруг по-прежнему не было ни одной волны. Если она закончит ритуал, море вернётся, а город будет спасён. Но цена окажется такой, что даже самые близкие люди не смогут вспомнить её лица.

Она могла остановиться.

Впервые за всю историю хранителей у неё был выбор.

Ильва глубоко вдохнула и повернула ключ.

В ту же секунду все колокола смолкли.

Море вернулось, но не к берегу. Оно поднялось над землёй огромной стеной, закрыв собой небо, а затем обрушилось вниз, накрыв всё, до чего могло дотянуться. Люди увидели, как вода проходит сквозь камень, словно через туман. Башни исчезали одна за другой, улицы превращались в реки, а над площадью королевского дворца возникла чёрная полоса, напоминавшая разрез в самой реальности.

Когда рассвело, море снова исчезло.

На его месте лежала сухая равнина.

Город уцелел.

Все жители проснулись в своих домах, не понимая, почему одежда промокла, откуда взялась соль на стенах и кто бил в колокола среди ночи. Они помнили вчерашний день, свои семьи и собственные имена, но никто не мог вспомнить Ильву.

Никто, кроме моря.

С тех пор каждый год в самую длинную ночь один человек исчезал из мира. Его имя вычёркивали из книги, его лицо покидало чужую память, а близкие продолжали жить так, словно никогда не знали его.

Так продолжалось сто семь лет.

Пока однажды в Соляном архиве не появилась строка, которой там не должно было быть.

ГЛАВА 1. СОЛЯНОЙ АРХИВ

Таис Ренн не любила зиму, хотя всю жизнь прожила в городе, где снег выпадал редко, а морозы почти никогда не держались дольше нескольких дней. Она не любила короткие дни, холодные ступени архива и серый свет, который по утрам проникал через высокие окна, делая старые книги похожими на надгробия. Но больше всего она не любила последнюю неделю года.

В это время жители Меррова старались не произносить вслух имена тех, кого любили. Не потому, что запрещалось, — официально никакого такого запрета не существовало. Просто люди привыкли к осторожности. За сто семь лет они научились говорить о своих семьях так, словно каждое слово могло что-то изменить, а дети с раннего возраста знали: в ночь перед зимним солнцестоянием нужно закрыть ставни, зажечь свечу и не отвечать, если за дверью кто-нибудь назовёт тебя по имени.

Таис считала эту традицию глупой. Не опасной, не святой и уж точно не заслуживающей благоговения, с которым о ней говорили старики. Она полагала, что люди цепляются за ритуалы просто потому, что им легче повторять чужие действия, чем признать собственное незнание. Впрочем, в двадцать два года подобные мысли были для неё обычным способом справляться с миром, который упорно отказывался объяснять свои правила.

Соляной архив занимал старое здание возле главной площади. Когда-то здесь хранились портовые документы, карты морского дна и торговые договоры, но после исчезновения моря почти всё это стало бесполезным. Архив переименовали, перестроили и передали под управление Совета прилива. Теперь здесь хранились списки жителей, свидетельства о рождении, брачные договоры, завещания и главная книга города, которую никто не имел права открывать без разрешения хранителя.

Таис работала младшей переписчицей. Она умела выводить буквы так ровно, что даже старейшие архивариусы иногда просили её переписать документы, которые сами не решались трогать из-за ветхости. Её пальцы были постоянно испачканы чернилами, а под ногтями собиралась соль, которую не удавалось вывести даже после долгого мытья. В архиве говорили, что соль въедается в кожу тех, кто слишком долго работает с именами, и Таис не считала это суеверием. Иногда ей казалось, что бумага действительно оставляет на руках что-то большее, чем пыль.

В то утро она переписывала записи о рождениях за прошлую весну, когда заметила несоответствие.

В одном из документов было указано, что семья Ренн проживает в доме номер семнадцать на улице Кузнецов. Обычная запись, ничем не примечательная. Но ниже, в графе о составе семьи, значились только два человека: Таис Ренн и её мать Марет.

Таис нахмурилась и провела пальцем по строке. Мать умерла шесть лет назад. Запись следовало исправить, добавить имя младшего сына — Нила, которому недавно исполнилось тринадцать. Она уже потянулась за чернильницей, когда поняла, что имя Нила в документе не стёрто. Его там никогда не было.

Это было странно.

Очень странно.

Таис отложила перо, достала из ящика собственную тетрадь и нашла страницу, на которой несколько месяцев назад записывала семейные расходы. Там значились сапоги для Нила, новая куртка, три буханки хлеба в неделю и плата за занятия у старого учителя музыки. Таис помнила, как ругалась с братом из-за этих занятий, потому что он предпочитал играть на крыше, а не сидеть за клавесином. Помнила, как он однажды разбил окно мячом и пытался скрыть это, подперев раму доской. Помнила даже запах его волос после дождя — сырой шерсти и дешёвого мыла.

Но в официальном документе его не существовало.

Таис снова взглянула на запись.

Внизу страницы проступила тонкая серая линия. Она появилась прямо на глазах и медленно вытянулась, словно невидимая рука проводила по бумаге пером.

Затем возникли буквы.

НИЛ РЕНН.

Таис отшатнулась от стола.

Чернила не растекались и не блестели. Буквы выглядели так, будто были написаны много лет назад и только теперь проявились под слоем старой бумаги.

Она осторожно коснулась строки. Бумага была холодной.

— Что ты делаешь?

Таис вздрогнула и обернулась. В проходе стоял мастер Эймон, главный хранитель архива. Он был высоким, худым и всегда казался немного сонным, хотя Таис подозревала, что это всего лишь привычный способ скрывать внимательность. Сегодня его лицо выглядело непривычно напряжённым.

— Исправляю запись, — ответила она, стараясь говорить спокойно.

— Не трогай эту страницу.

— Здесь ошибка. В нашей семье трое...

Она осеклась.

Не потому, что забыла слова, а потому, что Эймон посмотрел на неё так, словно она только что сообщила о найденном трупе в подсобном помещении.

— Каких трое? — спросил он.

Таис медленно поднялась.

— Я, моя мать и мой брат.

— Твоя мать умерла шесть лет назад. Ты живёшь одна.

— Я живу с Нилом.

Эймон не изменился в лице.

— Таис, у тебя нет брата.

Несколько секунд она просто смотрела на него, ожидая, что он улыбнётся, объяснит нелепую шутку или хотя бы признает, что ошибся. Но мастер продолжал смотреть на неё с выражением усталого сочувствия, каким обычно встречал людей, которые приходили в архив искать документы об умерших родственниках и обнаруживали, что сами неверно помнят даты.

— Я вчера с ним ужинала, — сказала Таис. — Мы спорили из-за того, что он взял мои деньги без спроса. Он разбил окно в спальне прошлой осенью. Вы сами ругали его за то, что он лазил на крышу архива и пугал голубей.

Эймон побледнел.

Совсем немного, но Таис заметила.

— Перестань, — тихо сказал он.

— Почему?

— Потому что некоторые вещи лучше не произносить.

— Какие вещи? Имя собственного брата?

Эймон подошёл ближе и осторожно закрыл книгу.

— Ты сегодня не будешь работать с главным реестром. И не станешь говорить об этом с другими переписчиками. Поняла?

Таис почувствовала, как внутри поднимается злость.

— Нет, не поняла. Я хочу знать, почему имя моего брата появляется в документе, а вы делаете вид, что его не существует.

Эймон посмотрел на дверь, словно боялся, что кто-то подслушивает.

— Потому что сегодня последняя ночь перед солнцестоянием.

— И что?

— Сегодня будет Ночь имён.

Таис нахмурилась.

— Каждый год бывает Ночь имён.

— Да. Но этот год будет другим.

Она хотела задать ещё один вопрос, однако мастер уже направлялся к двери. У порога он остановился и обернулся.

— Когда закончишь работу, сразу иди домой. Закрой ставни, зажги свечу и не открывай дверь, что бы ни услышала снаружи.

— А если это будет мой брат?

Эймон замер.

Несколько секунд он стоял неподвижно, затем тихо произнёс:

— Особенно если это будет твой брат.

И вышел, оставив Таис наедине с закрытой книгой.

Она ещё долго смотрела на обложку. Потом осторожно приподняла её край и увидела между страницами тонкую полоску бумаги, которой раньше там не было. На ней дрожащим почерком были выведены четыре слова:

«Если помнишь — ищи море».

Таис перечитала записку дважды.

Море исчезло больше ста лет назад.

Никто не знал, куда оно ушло.

И никто, кроме неё, похоже, не собирался искать ответ.

ГЛАВА 2. МАЛЬЧИК, КОТОРОГО НЕ СУЩЕСТВОВАЛО

Нил сидел на крыше дома, когда Таис вернулась.

Он устроился возле дымохода, поджав ноги, и смотрел на запад, туда, где за соляными равнинами когда-то начиналась береговая линия. Ветер трепал его тёмные волосы, а на плечах лежала слишком большая куртка, которую Таис купила ему прошлой осенью. Она остановилась посреди двора и несколько секунд молча наблюдала за братом, пытаясь справиться с ощущением, что утренний разговор в архиве был не просто странным недоразумением.

— Ты опять залез туда, — крикнула она.

Нил повернул голову.

— А ты опять собираешься делать вид, что это запрещено?

— Это моя крыша.

— Наш дом.

— Мой дом, который я оплачиваю.

— Значит, если я буду жить здесь бесплатно, ты начнёшь брать с меня налог за воздух?

Таис невольно улынулась. Вот он, её брат: язвительный, упрямый, совершенно уверенный, что любой спор можно выиграть, если задавать достаточно много вопросов. Она поднялась по лестнице, стараясь не смотреть вниз, и уселась рядом с ним. Отсюда хорошо было видно весь Мерров: узкие улицы, крыши с тёмной черепицей, башни колокольни и широкое белое пространство за городскими стенами.

— Что ты там высматриваешь? — спросила она.

Нил пожал плечами.

— Море.

Таис посмотрела на него внимательнее.

— Ты никогда его не видел.

— Знаю.

— Тогда откуда ты знаешь, как оно выглядит?

Он вытащил из кармана небольшую ракушку. Она была серой, почти бесцветной, с тонкими светлыми полосками. Таис узнала её сразу: ракушка лежала в деревянном ящике среди вещей матери, вместе с несколькими старыми картами и письмами, которые она до сих пор не смогла прочитать до конца.

— Где ты её взял?

— В твоём столе.

— Нил!

— Я только посмотрел. Ты ведь сама говорила, что хочешь понять, что произошло с морем.

Таис протянула руку.

— Отдай.

Он неохотно положил ракушку ей на ладонь.

— Послушай, — сказал он. — Если приложить её к уху, слышно воду.

— Это обычная ракушка.

— Нет. Я проверял другие.

Он протянул руку, забрал ракушку и прижал её к уху. Таис хотела возразить, но вдруг заметила, как изменилось его лицо. Нил больше не улыбался. Он слушал с таким напряжением, словно внутри ракушки кто-то тихо звал его по имени.

— Что ты слышишь? — спросила она.

Он не ответил.

— Нил?

Мальчик медленно убрал ракушку от уха.

— Кто-то сказал, что мы должны вернуться.

Таис почувствовала холод.

— Куда?

Нил посмотрел на сухую равнину за стенами.

— Домой.

Она хотела рассмеяться, но смех застрял в горле. Последние несколько недель Нил вёл себя странно: задавал вопросы о матери, расспрашивал о старых картах, пытался найти в архиве записи о море. Таис списывала это на возраст и скуку, но теперь ей стало казаться, что он знал гораздо больше, чем рассказывал.

— Ты слышал это раньше?

Нил кивнул.

— По ночам. Иногда, когда я просыпаюсь, мне кажется, что внизу шумит вода. А потом слышу колокола.

Таис крепко сжала ракушку.

— Ты должен перестать ходить в архив.

— Почему?

— Потому что там небезопасно.

— Что случилось?

Она рассказала ему о записи и разговоре с мастером Эймоном. Нил слушал молча, и чем дальше она говорила, тем серьёзнее становилось его лицо.

Когда Таис закончила, он не стал шутить.

— Значит, они тоже видели моё имя.

— Кто?

— Те, кто следит за книгой.

— Нил, о чём ты говоришь?

Он посмотрел на сестру.

— Мама знала, что однажды это случится.

Таис почувствовала, как сердце забилось быстрее.

— Откуда ты знаешь?

Нил поднялся. На мгновение ей показалось, что он выглядит старше своих тринадцати лет: в его лице появилось что-то взрослое и печальное.

— Потому что она говорила со мной перед смертью.

— Ты был маленьким.

— Я помню.

Таис схватила его за рукав.

— Что именно она сказала?

Нил посмотрел на ракушку в её руке.

— Что, когда придёт мой черёд, ты не должна позволить им забрать меня.

Он произнёс это спокойно, почти буднично. От такого спокойствия Таис стало по-настоящему страшно.

— Никто тебя не заберёт.

Нил улыбнулся, но улыбка вышла слабой.

— Надеюсь.

Внизу хлопнула входная дверь. Кто-то прошёл по двору, затем послышались тяжёлые шаги на лестнице.

Таис обернулась.

На крышу поднялся незнакомый мужчина в длинном тёмном пальто. Он был примерно тридцати лет, с короткими волосами и спокойным лицом, которое легко забыть, если не смотреть в глаза. На его поясе висел знак Совета прилива — серебряный круг, пересечённый тремя линиями.

Мужчина остановился, увидев их.

— Таис Ренн?

Она поднялась.

— Да.

— Кайр Вальд. Я занимаюсь проверкой городских реестров. Мне нужно, чтобы вы немедленно отправились со мной в архив.

Таис прищурилась.

— Почему?

— Потому что в главной книге появилось имя, которого там быть не должно.

Нил медленно поднялся рядом с сестрой.

Кайр перевёл на него взгляд.

И на несколько мгновений его лицо изменилось.

Будто он увидел нечто знакомое.

Затем выражение исчезло.

— Вы тоже должны прийти, — сказал он, обращаясь к мальчику.

Нил посмотрел на Таис.

Она встала перед братом.

— Он никуда не пойдёт.

Кайр не повысил голос и не попытался спорить.

— Боюсь, это уже не зависит от вас.

Он достал из кармана сложенный документ и протянул Таис. Внизу стояла печать Совета прилива, а под ней — единственная строка, от которой у неё перехватило дыхание.

НИЛ РЕНН.

Подлежит изъятию в Ночь имён.

ГЛАВА 3. ИНСПЕКТОР

Таис не помнила, как спустилась с крыши.

Она помнила только руку Нила в своей ладони, холодный ветер во дворе и то, как Кайр Вальд шёл впереди, не оборачиваясь. Он не связывал их, не угрожал оружием и даже не требовал ускорить шаг. Вёл себя так, словно всё происходящее было обычной административной процедурой, а она просто не понимала, какие бумаги нужно подписать.

Это бесило сильнее любой угрозы.

— Что значит «изъятие»? — спросила Таис.

Кайр продолжал идти.

— Вы знаете, что такое Ночь имён.

— Я знаю, что каждую зиму один человек исчезает, а город делает вид, что его никогда не существовало. Но я не знаю, почему имя моего брата оказалось в вашем документе.

— Не каждую зиму один человек, — спокойно поправил Кайр. — Иногда исчезают двое.

Таис остановилась.

— Что?

Он тоже остановился и повернулся к ней.

— За сто семь лет было сто двадцать девять изъятий. В некоторых случаях Совет удалял больше одного имени, когда происходили нарушения ритуала.

— И вы говорите об этом так, словно обсуждаете закупку чернил?

Кайр выдержал её взгляд.

— Нет. Я говорю так, потому что иначе не смогу выполнить свою работу.

Нил крепче сжал её руку.

— Что случится со мной?

Кайр посмотрел на него. На этот раз в его лице появилась тень сомнения.

— Я не знаю.

— Тогда почему вы пришли за мной?

— Потому что книга указала твоё имя.

— А если книга ошиблась?

Кайр ничего не ответил.

Впервые за весь разговор Таис заметила, что он не выглядит уверенным в собственных словах.

Они дошли до архива, когда солнце уже начало опускаться за городские стены. Внутри горели лампы, а у входа стояли двое стражников. Мастер Эймон ждал их возле главного зала. Увидев Нила, он закрыл глаза, будто именно этого момента боялся весь день.

— Значит, всё-таки началось, — произнёс он.

Таис резко повернулась к нему.

— Вы знали?

— Да.

— И ничего не сделали?

Эймон посмотрел на неё с таким выражением, что она впервые увидела в нём не строгого архивариуса, а очень старого человека, который слишком долго жил с одной и той же тайной.

— Я пытался.

— Как?

— Я изменял записи. Переписывал страницы. Сжигал документы, в которых появлялись имена. Но каждый раз книга возвращала их на место.

Таис с трудом удержалась от крика.

— Тогда зачем вы продолжаете работать здесь?

Эймон посмотрел на главную дверь.

— Потому что кто-то должен оставаться рядом, когда книга забирает человека.

Он провёл их в зал.

Посреди комнаты стоял длинный стол, на котором лежала огромная книга в переплёте из тёмной кожи. Её металлические застёжки были покрыты тонкими узорами, а по краям страниц тянулись бледные линии, похожие на соляные жилы.

Таис видела эту книгу несколько раз издалека, но никогда не подходила близко. Её называли Книгой прилива, хотя моря давно не было. Согласно официальной истории, в ней хранились имена всех жителей Меррова, начиная с первых поселенцев. Каждый год накануне солнцестояния открывали новую страницу, и в течение ночи один из людей исчезал из мира.

Кайр остановился у стола.

— Покажите запись.

Эймон не двинулся.

— Мастер, — повторил Кайр. — Мне нужен реестр.

— Вы знаете, что будет, если открыть его раньше времени.

— Знаю.

— Тогда зачем требуете?

Кайр посмотрел на Нила.

— Потому что я устал получать приказы, смысл которых мне запрещено понимать.

В его голосе впервые прозвучала настоящая злость.

Эймон долго смотрел на него, затем медленно откинул застёжки.

Книга открылась сама.

На странице было множество имён, написанных ровными чернилами. Некоторые буквы потемнели, другие почти исчезли, но строка в самом низу светилась влажным серебром.

НИЛ РЕНН.

Таис почувствовала, как у неё перехватило дыхание.

Нил подошёл ближе.

— Это я?

Кайр кивнул.

— Да.

— Почему?

— Не знаю.

Мальчик посмотрел на сестру.

— Ты ведь не позволишь им меня забрать?

Таис не ответила сразу. Она хотела сказать, что никогда не позволит, что найдёт способ обмануть книгу, уничтожит её, если понадобится, и не оставит брата одного ни при каких обстоятельствах. Но слова застряли в горле. Перед ней лежала древняя вещь, пережившая сто семь лет, и она впервые поняла, насколько мало знает о мире, в котором родилась.

В этот момент серебряная строка вспыхнула.

Чернила начали медленно растекаться по странице, превращаясь в тонкие нити. Нил отступил, но Таис успела заметить, как одна из нитей коснулась его запястья.

Мальчик резко вдохнул.

На его коже появился бледный знак.

Тот же, что был изображён на ракушке.

Кайр выругался вполголоса.

Эймон побледнел ещё сильнее.

— Что это? — спросила Таис.

Старый архивариус отступил от стола.

— Это не должно было случиться.

— Что именно?

Он посмотрел на неё.

— Книга никогда не отмечает человека заранее.

Нил покачнулся. Таис успела подхватить его под руку.

— Нил!

Он смотрел прямо перед собой, будто видел что-то за стенами архива.

— Я слышу воду, — прошептал он.

Серебряная нить на его запястье натянулась.

И в глубине здания раздался звон.

Один удар.

Потом второй.

Колокола начали созывать ночь.

ГЛАВА 4. НОЧЬ ИМЁН

Стражники увели Нила в отдельную комнату, но Таис не позволила закрыть за ним дверь. Она села у кровати и держала брата за руку, пока мастер Эймон пытался объяснить происходящее Кайру. Разговор был тихим, почти неразборчивым, но несколько слов всё же долетали до неё: «нарушение», «старый договор», «непредусмотренный свидетель».

Таис не могла заставить себя слушать их внимательно. Она смотрела на Нила и пыталась понять, как человек может быть живым, говорить, дышать — и при этом уже принадлежать какой-то книге, решившей, что его пора забрать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.